

UEM

Религиозно-философский

и Европа» (1868) недаром сравнивают с «Закатом Европы» О. Шпеклера. И тут, и там представлены об истории как об одновременном

ном потоке, замкнутой на себя теме, в свою очередь разделенной на непроницаемые национально-культурные сферы. И тут, и там самоизоляция, внутренняя отчужденность авторов от научной, философской среды, атмосфера таинственности, окружавшая процесс создания рукописи. Так ученым книги не пишутся — без предварительного обсуждения, «монологично»; тут пишутся книги художественные или мистические. Ни Данилевский, ни Шпенглер мистиками не были, но некий пророческий смысл своему творчеству они придавали. К ним равно приложима ироническая рецензия Г. Гессе на «Закат Европы»: главный недостаток этой книги не в том, что ее автор перервал все факты (в конце концов, таков удел любого историка), и не в том, что он шовинист (в конце концов любой патристизм вырождается в шовинизм); главный недостаток этой книги в том, что ее автор слишком серьезно к себе относится...

Но, увы, судьба этих ключевых для своих эпох трудов принципиально различна. Шпенглер был издан-переиздан Данилевский до 1991 года — нет. Четыре переиздания препятствовали вполне идеологические обстоятельства, ясно и без объяснений автора послесловий.

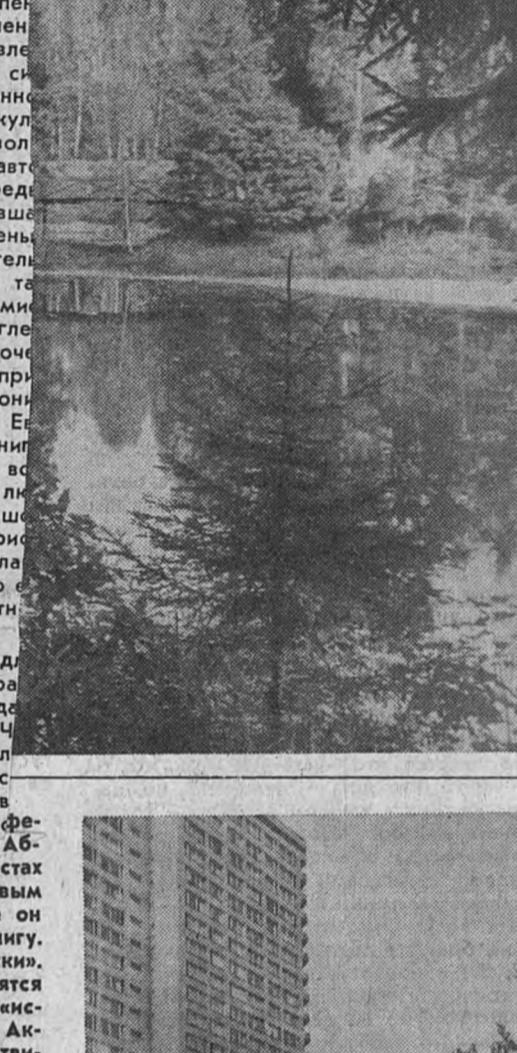
НАСТРОНOME Жязлот какие обстоятельства Аксаков купил усадьбу Арамцево — в пятидесяти верстах от Москвы, по соседству с Сергиевым Посадом. Здесь на шестом десятке сажен начинает диктовать свою первую книгу

В ее названии будет слово «записки». На обложках следующих книг появятся слова «воспоминания», «хроника», «история»... «Я могу писать, — скажет Аксаков, — только стоя на почве действительности, идя за нитью истинного события...»

«Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука», «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» «Записки об уженье рыбы» — все эти известные книги созданы под непосредственным воздействием деревенской тишины, «разнообразной природы» Подмосковья, — с гордостью сообщает путеводитель по Абрамцеву. А земляк Аксакова из Приуралья неожиданно и резко возражает: «Как прекрасны в своей светлой грусти орестности Абрамцева и все Радонежьи, где Сергей Тимофеевич прожил бол-

шую часть своей жизни, — нет у него ни строчки об этих местах..." Не отголосок ли это древнего спора о родине Гомера? Что ж, Аксаков родился в Уфе (было это двести лет назад), в детстве молодости жил в Оренбургской губернии, многие его литературные замыслы выросли из тамошних впечатлений. И почему бы, действительно, не попытаться в порыве нынешнего энтузиазма перевести писателя под исключительную юрисдикцию Приуралья?

лежат на плавки ваши, — улыбнутся мы мимые страсти, утихнут мнимые бури, разсыплются самолюбивые мечты, разлется несбыточные надежды! Вместе благовонным, свободным, освежителем воздухом вдохнете вы в себя беспомятежность мысли, кротость чувств, снисхождение к другим...» Где эта душеспасительная река, где этот воздух умиротворения — в дальнем Заволжье или в ближнем Подмосковье? Но раз у нас задачка на вычитание! И раз перед нами краевед-фенолог, а не большой национальный писатель! И почему бы наконец не воспользоваться многозначительной подсказкой самого Аксакова (из письма к Гоголю): «я затеял писать книжку об уженье не только в техническом отношении, но в отношении природе вообще!»

ть и в разъяренной сече
шь достойного врага...

— напишет Константин Аксаков.
Потрясение, вызванное смертью отца, рано свело его в могилу. Иван Аксаков, намного пережил брата. Когда он умер, его называли «последним славянофилом». Историк Д. А. Корсаков подчеркивал: «...это был сильный боец и цепкий характер. Невольно сжимается сердце при мысли, что на смену исчезающим

Ч ЕРЕЗ ОДИННАДЦАТЬ лет после смерти С. Т. Аксакова опустевшее Абрамцево приобрело крупный промышленник и меценат Савва Мамонтов. При нем здесь возник знаменитый Абрамцевский художественный кружок. Дом, где прежде бывали Гоголь, Тургенев, Щепкин, Хомяков, братья Киреевские, теперь объединил людей, которыми связан новый взлёт русского искусства. В Абрамцеве работают Брубелль, Суриков, Серов, Коровин, Нестеров, Поленов... Об этом счастливом времени Мамонтов скажет, что доме витал «дух старого Аксакова».

В. РАДЗИШЕВСКИЙ